

ДЕТЕКТИВ-**Н**ОСТАЛЬГИЯ

Ритуал

для посвященных

Полное
погружение
в атмосферу
эпохи 80-х

Геннадий
СОРОКИН

Геннадий Геннадьевич Сорокин

Ритуал для посвященных

Серия «Детектив-Ностальгия»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69007297
Ритуал для посвященных : Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-185062-3

Аннотация

Основано на реальных событиях.

1988 год. В Дальневосточной высшей школе МВД случилось ЧП. Одного из слушателей, тувинца по национальности, уличили в любовной связи с местной девушкой-якуткой. По обычаям этих народов, ребенок, рожденный у родителей разных национальностей, будет считаться незаконным. Слушатель этой же школы Виктор Воронов вызывается помочь однокурснику уладить отношения с озлобленной родней якутки. В разгар разборок выясняется, что неизвестные выкрали младенца и требуют за него выкуп. В разговоре с молодой матерью Воронов понимает, что та что-то скрывает. Но больше всего начинающего сыщика смущают странные атрибуты, оставленные похитителями на месте преступления...

Ностальгия по временам, уже успевшим стать историей. Автор настолько реально описывает атмосферу эпохи и внутреннее состояние героев, что веришь ему сразу и безоговорочно.

Уникальная возможность на время вернуться в недавнее прошлое и в ощущении полной реальности прожить вместе с героями самый отчаянный отрезок их жизни.

Содержание

1	6
2	18
3	23
4	31
5	44
6	57
7	62
8	75
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Геннадий
Геннадьевич Сорокин
Ритуал для посвященных

© Сорокин Г.Г., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

– О несовершенстве законодательства я могу рассказать на примере Мещерякова. Этот случай связан с наркотиками только косвенно, можно сказать, вообще не связан.

Владимир Демидов¹ поправил очки в тонкой оправе, откинулся на спинку стула.

– Ты о Мещерякове слышал?

– Мама дорогая! – воскликнул Воронов. – Я как приехал в Хабаровск, только о нем и слышу. Мещеряков! Мещеряков! Кос! Цигельников! Банда! Аль Капоне им в подметки не годится. Мещеряков и Кос стали какими-то мифическими героями. Я столько о них слышал, что уже не пойму, где правда, а где вымысел.

– Правда в том, что я сейчас сижу за столом Мещерякова. Последний день на свободе он провел в этом кабинете.

– Вова, я за твоим столом несколько раз сидел. Это что же получается – я прикоснулся к вечности? Обалдеть! Об их банде действительно телепередача была?

– Крайком партии принял решение проинформировать общественность о вынесенном приговоре. С краткой информацией выступил начальник краевого УВД. В крайкоме были уверены, что после выступления слухи о банде прекратят-

¹ Подробнее о Демидове в книге Сорокина Г. Г. «Приговор на брудершафт».

ся. Но куда там! Еще больше стало. Мещерякову и Косу стали приписывать преступления, которые они не совершали.

– Я наслышан о Мещерякове, а про Коса практически ничего не знаю. Его за что посадили, если он никого не убил и не ограбил?

– Без Коса не было бы банды Мещерякова...

Воронов в предчувствии интересного рассказа прикрыл окно, чтобы уличный шум не мешал Демидову.

– Эта история началась четыре года назад, летом 1983-го... Нет-нет, все не так. В 1983 году произошел эпизод, о котором я хочу рассказать. Полковник милиции Кос в то время был начальником Управления уголовного розыска УВД Хабаровского крайисполкома. Мещеряков занимал должность старшего инспектора уголовного розыска краевого УВД по линии борьбы с наркоманией. Цигельников работал в отделе по раскрытию убийств. Или я путаю и его в то время уже отстранили от оперативной работы и перевели оперативным дежурным в Индустриальный РОВД? Не важно.

Центральной фигурой в этой истории был Мещеряков, тридцатидвухлетний капитан милиции, лучший оперативник края, любимчик Коса. Без покровительства Коса он бы так не поднялся. Мещеряков был редкостной сволочью. Ему нравилось унижать беззащитных или тех, кто не мог ему противостоять. К подчиненным и коллегам он относился с презрением. Еще бы! Кос на каждом совещании ставил его в пример. Любые его оплошности покрывал, и, как оказалось,

не бескорыстно! Сейчас объясню, как Мещеряков работал и почему ему удавалось за короткую командировку раскрыть столько опасных преступлений, сколько местные опера не могли осилить за неделю и даже за месяц. К примеру, едет он в командировку в город Комсомольск-на-Амуре. Я в то время работал в Комсомольске инспектором уголовного розыска в Центральном РОВД и не понаслышке знаю, как проходили проверки. Итак, примерно за три дня до приезда Мещерякова в Комсомольск из Хабаровска приезжают его отборные агенты. У каждого с собой кропаль² размером с мячик для пинг-понга. Агенты расползаются по притонам и блатхатам, угощают марихуаной всех желающих и выведывают у них свежие новости и тайны преступного мира. Мой агент с восторгом рассказывал, как приехали хабаровские фрэера и угощали его отборной коноплей. Просто так угощали, даром! У нас марихуану можно было только с риском для свободы раздобыть, а тут приехал добренький дядя и дал раскумариться³.

Короче, к приезду Мещерякова его агенты уже знали о многих нераскрытых преступлениях и лицах, их совершивших. Без дармовой конопли этот номер бы у него не прошел. А так... Что говорить, он за наркотики получал нужные сведения.

Теперь о том, как проходила проверка. Мещеряков про-

² В данном случае небольшой кусок прессованной марихуаны.

³ Снять наркотическую ломку (*жарг.*)

верял оперативные дела, находил в них недостатки и вызывал к себе провинившегося инспектора. После разбора выявленных недостатков он любил поиздеваться над коллегой из провинции. Спрашивает: «Вы изучили новый приказ об оперативной работе? Рассказывайте». Инспектор начинает в общих чертах пересказывать приказ или инструкцию, Мещеряков слушает-слушает, потом презрительно кривит губы и гнусавит: «Не-е-т, так не пойдет! Это не знание нормативного документа, а бред сивой кобылы. Берите в руки приказ, открывайте абзац номер три. Слушайте!» И... тра-та-та! Тра-та-та! Приказ слово в слово повторяет, абзац за абзацем. «Вот так, – говорит, – надо знать приказы! А вы – бе, ме, двух слов связать не можете». Память у Мещерякова была феноменальная. Это, наверное, после разоблачения спасло его от расстрела.

По результатам проверки проходит итоговое совещание. Мещеряков выходит на трибуну и говорит: «Вы работаете отвратительно! Дальше своего носа не видите». И тра-та-та, тра-та-та: одно преступление за другим выкладывает. Кто, где, когда грабеж совершил, где новые притоны для употребления наркотиков, где краденое скупают. У инспекторов в зале глаза по пять копеек. Никто ничего не поймет: приехал проверяющий, целыми днями в кабинете сидел и вдруг всю оперативную обстановку лучше местных сыщиков знает.

Возвращается Мещеряков в Хабаровск после проверки, Кос его всему Управлению уголовного розыска в пример ста-

вит, а нам, на периферию, приказы о наказании шлет.

– Чую, потрепал он тебе нервы в Комсомольске!

– В 1982 году на совещании по результатам проверки он назвал меня «самым бездарным оперативным работником края». Еще бы! Я-то честно работал, а он через наркотики сведения получал. Но я немного отвлекся, хотя тут без отступления не получится. Кроме мужчин, на Мещерякова работало несколько девушек-наркоманок. Вербовал он их так. За тем столом, где ты сейчас сидишь, работал молодой сыщик по фамилии Стеценко. Мещеряков был его наставником. Стеценко просто боготворил Мещерякова, каждое его слово на лету ловил. Итак, вызывает Мещеряков наркоманку на профилактическую беседу. С женщинами за тридцать или хроническими наркоманками он не работал, выбирал для беседы только молоденьких и хорошеньких. В кабинет входит наркоманка. Ее ставят вот сюда, с торца стола. На столешницу Мещеряков кладет небольшой кусочек прессованной марихуаны и говорит: «Если меня с первого раза не поймешь, то эту коноплю я у тебя сейчас из кармана изыму, а тебя саму в ИВС отправлю. Завтра следователь тебя допросит, предъявит обвинение, и ты поедешь на два месяца в следственный изолятор, а после суда – в зону годика на три. Все поняла? Снимай юбку и ложись грудью на стол».

Если девушка начинала упрямиться, Мещеряков доставал резиновую палку и говорил: «После того как я у тебя в присутствии понятых наркотики изыму, я тебе этой палкой

все почки отобью так, что месяц кровью мочиться будешь. В тюрьме тебя лечить будет некому. Сдохнешь, как собака».

Наркоманки уступали, и он насиловал их прямо на глазах Стеценко.

О, еще момент! Когда он совершал половой акт, Стеценко делал вид, что фотографирует их.

Закончив дело, Мещеряков говорил девушке: «Будешь себя неправильно вести, мы распечатаем фотографии и раздадим твоим друзьям. Знаешь, что они за сотрудничество с милицией с тобой сделают?»

Через неделю наркоманка приносила ему первые сведения, получала в награду наркотики и втягивалась в агентурную работу. Самые доверенные наркоманки продавали наркотики, которые поставлял им Мещеряков, а он эти наркотики по их агентурным сообщениям в притонах и у наркосбытчиков изымал. Такой вот круговорот вещей в природе.

Среди его девушек-агентов была одна энтузиастка своего дела – Елена Потоцкая. Ей нравилось входить к преступникам в доверие. Она переспала со всеми авторитетами хабаровского преступного мира, и многих по ее наводке посадили. Потоцкая была симпатичная, способная, активная девушка, но – наркоманка. Она плотно сидела на игле. Дня без дозы прожить не могла.

Летом 1983 года в мозгах у Потоцкой переключилось от опиума, и она вполне серьезно потребовала, чтобы Мещеряков, ее давний любовник, развелся с законной супругой и женился

ся на ней. Чтобы он долго не раздумывал, Потоцкая не нашла ничего лучше, как припугнуть его разоблачением. Мещеряков посмеялся в ответ и сказал, что у Потоцкой нет доказательств его преступной деятельности, а вот у него для Елены кое-что найдется. Например, доза опиума в кармане. Года на два хватит. Но Потоцкая и не думала сдаваться – выложила последний козырь, заявила, что ждет ребенка от Мещерякова. Такой поворот дела несколько смутил Мещерякова, и он попросил сутки на обдумывание. Потоцкая согласилась. Через день он назначил ей встречу около входа в горсад. Потоцкая пришла. Подъехали «Жигули» Мещерякова, но за рулем был Цигельников. На заднем сиденье – Стеценко. Потоцкая отказалась садиться в автомобиль. Цигельников и Стеценко силой усадили ее и увезли в неизвестном направлении. Больше Потоцкую живой никто не видел. Скорее всего, ее вывезли за город, изнасиловали и зверски убили. Не знаю, как Стеценко, но Цигельников наверняка изнасиловал ее перед смертью.

Я встречался с Цигельниковым по работе раз или два и ничего подозрительного не заметил. Мужик как мужик, двенадцать лет в милиции отработал. Выпить любил, жене изменял, но это, сам понимаешь, не смертный грех. До поры до времени никто не хотел верить, что Цигельников – безжалостный убийца, психопат, ни во что не ставящий человеческую жизнь. Как-то на допросе он забил до смерти подозреваемого, который не хотел признаваться в совершении

серии грабежей. Ночью отвез труп на свалку. На другой день занялся розыском убийцы и нашел его! Один уголовник взял убийство на себя. Почувствовал, что его забьют до смерти, и признался в том, чего не совершал. Так что Потоцкая наверняка помучилась перед смертью, прошла через все круги ада.

Теперь суть! Один случай на тысячу: когда ее заталкивали в машину, рядом с горсадом прогуливалась знакомая Потоцкой по фамилии Федичкина. Она все видела и хорошо запомнила Цигельникова. Номер автомобиля и внешность Стеценко не запомнила, а Цигельникова натурально сфотографировала – такая отменная память оказалась у девушки. Федичкиной показалось подозрительным, что незнакомые мужчины увезли ее подругу. Она пошла к родителям Потоцкой, все им рассказала. Проходит неделя, Потоцкой нет. Родители идут в прокуратуру, пишут заявление об исчезновении дочери и ее вероятном похищении.

Дальше – несовершенство законодательства, о котором я хотел рассказать. Уголовной статьи за похищение человека в нашем Уголовном кодексе нет. Когда его принимали, никому и в голову не могло прийти, что один советский человек может похитить другого. В прокуратуре в возбуждении уголовного дела отказали, посоветовали обратиться в милицию. В милиции заявление не приняли, сказали, что Потоцкая сама села в автомобиль и уехала со своими знакомыми употреблять наркотики или спиртное.

– А как же убийство? – не понял Воронов.

– Какое убийство? – вопросом на вопрос ответил Демидов. – Ее труп до сих пор не нашли. Ни Мещерякову, ни Цигельникову убийство Потоцкой не вменили. Официально она до сих пор находится в розыске как без вести пропавшая.

– Подожди, что же получается? В связи с пробелом в законодательстве можно схватить посреди улицы любого человека и увезти его куда-нибудь в лес?

– Именно так. Уголовной статьи за похищение человека нет.

– Почему им не вменили хулиганство? Это же «резиновая» статья, под все случаи подходит.

– Заявителя не было. Федичкина не в счет. Она одна не может выражать интересы общества. Тем более что в отношении ее насилия не было.

– Дела... – протянул Воронов.

– Если бы по заявлению родителей Потоцкой возбудили уголовное дело, банда Мещерякова была бы разоблачена на полтора года раньше. После ареста всех ее участников эксперт-криминалист со слов Федичкиной составил фоторобот одного из похитителей Потоцкой. Я видел этот фоторобот. Он мало чем отличается от фотографии Цигельникова. Представь, что было бы, если бы этот фоторобот разместили на входе во все отделения милиции? «Вы ищете опасного преступника? Так он у вас в дежурной части за пультом сидит, на звонки граждан отвечает».

– Мещеряков и Цигельников признались во всех преступлениях, кроме убийства Потоцкой. Почему они молчали, в чем логика? Какая разница – одним убийством больше, одним меньше?

– Не скажи! Убийство заведомо беременной женщины – это гарантированный «вышак», без вариантов. На следствии получилась следующая ситуация: трупа нет, свидетелей убийства нет. Доказывать преступление было нечем. Эпизод с похищением Потоцкой выделили в отдельное производство и прекратили за отсутствием события преступления.

– Стеценко не был матерым преступником. Почему его не покололи?

– В декабре 1984 года он отдыхал в ведомственном санатории в Сочи. Позвонил в Хабаровск, узнал об аресте Мещерякова, выпил бутылку коньяка и повесился у себя в номере.

– Почему он в бега не подался?

– Куда бежать? Он же не преступный авторитет, а милиционер. Рано или поздно его бы задержали и отправили бы под конвоем в Хабаровск. Стеценко решил не мучиться в ожидании ареста и покончил со всем разом.

– Цигельникова расстреляли, а Мещерякова нет. Почему? Он такой же убийца, как и остальные члены банды. За какие заслуги его помиловали?

– Я думаю, что основной замах был на Коса и некоторых сотрудников краевого КГБ, тесно сотрудничавших с Меще-

ряковым. Через Коса московские следователи думали выйти на бандеровское подполье. Кос ведь родом с Западной Украины, у него там вся родня живет. Когда он был в отпуске в родных краях, на него выходили бандеровцы, просили оружие достать, но Кос отказался.

– Разве бандеровцев в 1950-х годах не всех перебили?

– Остались! Только сейчас они не по лесам прячутся, а ведут жизнь добропорядочных граждан. Выжидают момент советской власти в спину ударить. Кос решил с политикой не связываться и о бандеровцах не сказал ни слова.

На столе у Демидова зазвонил телефон. Он выслушал собеседника, положил трубку.

– Начальство вызывает! Думаю, ненадолго. Пока хожу, изучи раритет.

Он достал из выдвижного ящика стола общую тетрадь в клеенчатом переплете, бросил через стол Воронову. Виктор раскрыл тетрадь и оценил юмор Демидова. На первой странице тетради аккуратным мужским почерком было написано: «УУР УВД Хабаровского крайисполкома. Дневник наставничества за 1984 год. Наставник: капитан милиции Мещеряков В. И. Молодой специалист: Стеценко С. В.» Далее, почти до конца тетради, были записаны воспитательные мероприятия, которые в течение года проводил Мещеряков. На последней странице почерком Демидова была сделана пометка: «Мещеряков, Цигельников, Савраев – высшая мера наказания. Костин, Новиченко, Помогаев – 10 лет лишения

свободы. Кос – 8 лет. Примечание: Мещерякову высшая мера наказания заменена на 20 лет лишения свободы».

Воронов перелистнул тетрадь, вернулся к записям Мещерякова. Воспоминания о поверженном враге всегда ласкают душу! На память о разоблаченном Мещерякове Демидов оставил его тетрадь. Подумать только, записи в ней собственноручно оставил самый известный преступник Хабаровского края. Будет что парням рассказать! И о пробеле в законодательстве надо не забыть. Если бы наш Уголовный кодекс предусматривал наказание за похищение человека, то в 1984 году Мещеряков бы уже сидел, а не выдумывал воспитательные мероприятия.

Начальник Дальневосточной высшей школы МВД СССР полковник милиции Толмачев по административно-хозяйственной линии подчинялся Главному управлению кадров и учебных заведений МВД СССР. По партийной линии он имел двойное подчинение – МВД СССР и партийному руководству Хабаровского края.

В конце августа 1987 года полковник Толмачев в качестве руководителя высшего учебного заведения прибыл на совещание в крайком партии. Председательствовал первый секретарь крайкома Алексей Клементьевич Черный.

– С первого сентября мы направляем студентов учебных заведений края на помощь сельскохозяйственным предприятиям, колхозам и совхозам. Напоминаю, что уборка урожая – дело государственной важности! Наш долг перед партией и советским народом – ударными темпами до наступления непогоды собрать урожай и направить его на хранение. Если кто-то из руководителей учебных заведений отнесется к поставленным задачам без должной ответственности, проигнорирует политическую составляющую уборочной кампании, реакция крайкома будет мгновенной и жесткой. Я не собираюсь за ваших студентов перед ЦК партии краснеть. За срыв поставленных сроков уборки урожая партбилетами ответите! Церемониться ни с кем не буду.

Следуя партийному этикету, Толмачев молча выслушал указания первого секретаря и убыл в распоряжение школы. В актовом зале его уже дожидались начальники курсов, политработники и офицеры хозяйственного отдела.

– Первого сентября начинаем подготовку к выезду на сельскохозяйственные работы, – объявил Толмачев. – Начальник первого «А» курса подполковник Алешин! – Подполковник встал, одернул китель. – Завтра же направьте один взвод на армейские склады для получения спального имущества. Второй взвод – в совхоз «Полетное» для проверки и приведения в порядок жилых помещений. Согласно плану учебной работы на 1987–1988 годы, для участия в сельскохозяйственных работах мы задействуем слушателей первого и второго курсов в полном составе. В распоряжении школы могут остаться только больные и слушатели, задействованные для круглосуточного дежурства в общежитиях. Больные должны предоставить справку от начальника медицинской службы школы, никакие другие медицинские документы рассматриваться не будут. По семейным обстоятельствам освобождение от сельхозработ не давать! Напоминаю начальникам курсов о личной ответственности за выполнение поставленных задач. Командиром отряда назначаю моего помощника по строевой части полковника Трубачева.

На другой день начальник второго «Б» курса Трушин построил личный состав перед общежитием.

– В совхоз выезжаем завтра. Советую всем в оставшее-

ся время хорошенько подготовиться к отъезду, а не рыскать по городу в поисках... сами знаете чего. Напоминаю о железной дисциплине во время проживания в совхозе «Полетное». Малейший запах перегара будет означать немедленное увольнение из органов внутренних дел.

Из ста сорока слушателей Трушин оставил в распоряжении курса восемь человек. Один из них выклянчил у начмеда школы справку о пустяковом заболевании, трое слушателей были женатыми мужчинами, ждали в сентябре пополнение семейства, еще четверо попали в список счастливицков неизвестно за какие заслуги.

Утром второго сентября колонна автобусов двинулась из расположения школы на юг Хабаровского края. Ехать было относительно недалеко, всего 110 километров, но движение в колонне не позволяло водителям развить скорость, и поездка затянулась до обеда.

Виктор Воронов в салоне автобуса сидел мрачный и задумчивый. Совсем недавно, всего несколько дней назад, он был весел, полон энергии, тайно встречался со студенткой института культуры и был счастлив. Наступил сентябрь. Лист календаря перевернулся, и все радости жизни канули в Лету. Впереди был месяц утомительного однообразного труда.

– Ворон, – толкнул его в бок Сватков, – ты чего такой задумчивый? Мы еще не приехали, а ты уже в осадок выпал. Не грусти! Может быть, в этом году веселее будет.

– Угу, – недовольно пробурчал Виктор. – Передовиков начнут стопкой водки поощрять. Построят курс перед кино-театром, Трушин будет из бутылки наливать, а замполит соленым огурчиком угощать. Ничего хорошего в «Полетном» не будет! Все повторится с точностью до мелочей.

Автобус резко затормозил. Воронов прервался на минуту и продолжил:

– Я еще в прошлом году подумал: почему человек не может впадать в активный анабиоз? Представь, приехал ты в село и отключил мозги на время. Тело твоё движется, ест, пьёт, собирает картошку с утра до вечера, а ты – в анабиозе. Закончился сбор урожая, Трушин скомандовал: «Очнись», – и ты снова стал человеком, а не биороботом. Я как вспомню это «Полетное», так вздрогну. Целый месяц коту под хвост. После дембеля я был убежден, что больше ни одного дня не проживу зря. Оказывается, ошибался.

– Да-а, – протянул приятель. – В армии хоть какие-то развлечения были, а в совхозе – никаких. Одна радость, что не два года по полям ползать, а всего месяц.

В совхозе курс Трушина определили на прежнее место жительства – в кинозал поселкового Дома культуры. На двухъярусных кроватях уже были постелены скомкавшиеся ватные матрацы, посеревшие от частых стирок простыни и солдатские одеяла. Воронов занял прошлогоднее место – в углу, на втором ярусе, под портретом киноактрисы Натальи Аринбасаровой.

– Привет, Натаха! – Виктор щелкнул пальцем по изображению актрисы. – Извини – за прошедший год я так и не узнал, кто ты такая и в каком фильме снималась. Ты, как я вижу, нисколько не изменилась? Потерпишь мое присутствие до конца сентября? Обещаю в этом году не храпеть по ночам.

– Ворон! – окликнул его Рогов. – Ты с портретом разговариваешь? Брось это дело, а то в психушку увезут.

– Ничего подобного! Пока картошку не уберем, никого не тронут. В совхозном поле каждый человек на счету, а дурак он или умный – дело пятое.

Перед ужином слушатели пошли прогуляться по поселку, прикупить что-нибудь по мелочи в сельмаге. В связи с началом уборочной страды в магазине с полок исчезло спиртное, даже тройного одеколона в продаже не было. Воронов купил несколько пачек «Астры» и тонкую книжечку по психологии и здоровому образу жизни. Пройдясь из конца в конец «Полетного», парни вернулись в Дом культуры, сходили на ужин и завалились спать.

Третьего сентября началась уборочная эпопея.

В шесть утра дневальный по курсу скомандовал «Подъем!» Слушатели неохотно поднялись и побрели на улицу, к умывальникам. Погода стояла холодная. Парни, вышедшие на утренние гигиенические процедуры с голым торсом, дружно двинулись обратно – одеваться. В половине седьмого Трушин повел курс на завтрак в столовую. Еду слушателям готовили откомандированные из школы гражданские повара. Продукты, за исключением сезонных овощей, были привезены из Хабаровска.

«Нас примерно 560 человек, – размышлял за завтраком Воронов. – Продукты – свои, кровати и постельное белье – с армейских складов. Затраты на наше содержание для совхоза – минимальные. Много ли электричества мы нажжем в кинозале за вечер? Копейки. За эти гроши совхоз получает полтысячи работников, которым платить не надо. Такая организация труда повторяется из года в год. Спрашивается, что бы они без нас делали? Оставили бы весь урожай в земле?»

С первыми лучами солнца слушателей рассадили по автобусам и вывезли на поля. Технология уборки картофеля не менялась много лет. Вначале по полю шел трактор с картофелекопалкой. За ним выстраивались цепью работники. На одного человека приходилось одно ведро и один ряд картош-

ки, которую надо было собрать с земли, руками проверить, не осталось ли что в гнезде, и двигаться дальше, к следующей лунке. Наполненное ведро относили к «мешочнику» – человеку, раскрывавшему мешок перед сборщиком. Место мешочника, как и в прошлом году, занял Ашот Надарян. Наполненные мешки он связывал у горловины и оставлял на поле. По окончании работ, вечером, зачастую при свете фар, мешки грузили в прицепы тракторов и отвозили на склад для сортировки.

Поля в совхозе «Полетное» были разной длины. Некоторые удавалось пройти из конца в конец до обеда, на некоторые уходил весь день – человек вставал на борозду и с восхода до заката солнца двигался в одном направлении.

Первое поле, на котором предстояло работать группе Воронова, было гигантским – оно уходило за горизонт и терялось где-то на краю земли, в скрытом туманом лесочке.

– Час работаем, пять минут перекур! – напомнил Трушин и ушел к следующей группе.

Слушатели, как по команде, опустились на землю и начали собирать клубни.

Рогов копошился рядом с Виктором.

– Рассказывай, что у тебя стряслось? – вполголоса сказал Воронов. – Я же вижу, что ты приехал сам не свой. Влетел, поди, и ждешь, дойдут новости до школы или нет?

– Ворон, ты прав! Я, кажется, влип, – тихо ответил приятель. – Приехал на каникулы, живу, никого не трогаю. Вы-

пиваю, встречаюсь с оставшимися друзьями, на дачу с родственниками езжу, шашлыки жарю. В конце августа – звонок в дверь. На пороге стоят незнакомая тетка и ее дочь. Вошли, сели в гостиной на диван. Я и отец остались стоять напротив них, мать заняла кресло.

Тетка говорит: «Ну, что делать будем?» Я в ответ спрашиваю: «Вы, собственно говоря, кто такие и что от нас хотите?» Она с нескрываемым сарказмом ухмыльнулась, велела дочке встать. Я как глянул на нее, так и обомлел, в душе шевельнулось нехорошее предчувствие. Девчонка эта была беременной, хотя, когда она входила, я под платьем живота не заметил. Отец с матерью посмотрели на меня, а я не знаю, что сказать, – я эту чувиху не помню. Этим летом с ней точно не встречался.

Мамаша беременной говорит: «Ваш сын совратил мою девочку. Результат сами видите». Я немного пришел в себя и спросил у ее дочки: «Ты меня ни с кем не путаешь? Я тебя в первый раз вижу!» Мамаша достает из сумочки фотографию: «Что на это скажешь?» На фотке я и еще две девушки. Квартира незнакомая, но это не важно. Главное – я сижу и обнимаю эту беременную дочку. Вернее, еще не беременную, без живота.

Я ее спрашиваю: «Тебя как зовут?» Она – в слезы: «Ты меня уже знать не хочешь, а тогда, в феврале, самой красивой девушкой на свете называл! Обещал любить до конца жизни». Я хотел сказать: «Ты на себя в зеркало посмотри! Я

столько водки не выпью, чтобы тебя красавицей называть».

Только я открыл рот, как моя мамочка ахнула и за сердце схватилась. Отец бросился на кухню, вернулся со стаканом воды, накапал в него корвалол, дал матери выпить и говорит: «Давайте спокойно во всем разберемся и тогда решим, нет ли тут ошибки». Беременная вытерла слезы, разом успокоилась и рассказала такую историю.

Ее зовут Снежана. Ее восемнадцать лет, в этом году закончила ПТУ – швеей в ателье работать будет. В феврале она была на каникулах, гуляла по городу с подругой. У этой подруги есть парень – Сергей. От нечего делать они пошли к нему в гости, там познакомились со мной. Я и Сергей распивали водку, больше в квартире никого не было. Девчонки выпили по рюмке, сфотографировались со мной, то-се и остались на ночь. Серега с подругой в одной комнате, я со Снежаной – в другой. Под утро я ее уломал, и она уступила. В первый раз в жизни в интимные отношения вступила. До этого голого мужика только на картинке видела. Врет, конечно, но сейчас уже поздно крыльями махать! Живот у нее реально торчит – шесть месяцев беременности.

– Дальше! – потребовал Воронов. – Каяться в церкви будешь.

– Про февраль – все, больше в этом месяце событий не было. Беременная говорит, что на другой день я уехал в Хабаровск, обещал писать, а сам – ни гу-гу, исчез с горизонта. Она же обо мне все это время помнила, узнала адрес, где

живу, и когда живот выпер, то во всем призналась матери, и они пошли ко мне, разборки устраивать. Отец спрашивает: «Так было?» Я отвечаю: «Не помню я этой крали! Не спал я с ней!» Девчонка – снова в слезы, ее мамаша как зарычит: «Тебе этот номер не пройдет! Ты дел наделал, а теперь в ку-сты? Она твоего ребенка вынашивает, и фотография – то-му подтверждение. Если не женишься на ней, то я в суд подам, чтобы тебе алименты присудили, и в школу твою в Ха-баровск напишу, чтобы тебя, бесчестного подлеца, покрывать не смели».

Тут мы начали препираться, и я с мамашей беременной разругался. Она визжит: «Не смей больше мою дочь кралей называть – у нее имя есть!» Я отвечаю, что мне по фигу, как ее зовут, и пусть она валит к тому, кто ей ребеночка заделал.

Отец стал всех успокаивать, мать опять за сердце схватилась. Мамаша беременной успокоилась и ушла, но пообещала в воскресенье прийти и продолжить разговор уже «по-другому». После их ухода мать ушла в спальню плакать, а я с отцом закрылся на кухне. Он достал припрятанную от матери бутылку водки, выпили, сняли стресс. Спрашивает: «Что делать будем? Вдруг этот ребенок твой?» Я говорю: «Она еще не родила, а я еще следствие не провел, не выяснил, откуда она взялась, такая невинная». Я собрался и пошел к Сергею – узнать, что той ночью было. Короче, встретился я с ним только через два дня, он в отъезде был. Сергей рассказал, что я оставался у него на ночь и спал со Снежаной, а он –

со своей подружкой. Утром Снежана ушла не попрощавшись. Следом за ней – я. Тут я заметил, что у приятеля глаза бегают. Я схватил его за грудки и говорю: «Или ты расскажешь, как все было, или я из тебя, сволочь, всю душу вытрясу!» Он признался, что не помнит, как мы спать легли и когда девчонки ушли. Он вообще про этот день забыл и вспомнил только в конце весны, когда к нему мамаша Снежаны с разборками пришла.

– Так, может, это твой приятель – отец ребенка?

– Снежана утверждает, что я.

– Подруга Сергея что говорит?

– Он с ней разругался вдребезги, и она теперь что угодно подтвердит.

Командир группы объявил перекур. Парни сели посреди поля на перевернутые ведра, выкурили по сигарете и разбрелись по местам. Рогов сходил к фляге с водой, выпил две кружки подряд, вернулся к Воронову и продолжил:

– В субботу я объяснил родителям, что узнал. Я говорю: «Спору нет, я с этой чувихой был в одной квартире, но я с ней не спал. У нее ребенок – не мой!» Про себя думаю: я все февральские каникулы к друзьям-приятелям в гости ходил, со всеми то водку, то бражку пил. К концу каникул в голове все так перемешалось, что я и про Сергея, и про Снежану забыл. Если бы не фотка, я бы вообще тот день не вспомнил. Столько событий за десять дней пролетело – больше, чем в школе за полгода. Мать меня выслушала – и в слезы: «Вдруг

это твой ребеночек? Как он без отца расти будет? Ты, если набедокурил, то признайся – мы им поможем, вместе дите воспитывать будем». Отец встал на мою сторону: «Почему ты сыну не веришь? Какой бы он пьяный ни был, утреннее расставание он должен помнить! Если Снежана такая честная девушка, то почему она после первой же ночи тайком сбежала? Нагуляла, поди, ребеночка, маме стыдно признаться, вот и выдумала историю про соблазнение».

В воскресенье пришли Снежана с мамой. Ее мать спрашивает: «Все обсудили? Ваш сын готов жениться?» Мой отец отвечает: «Дождемся родов. Если ребенок будет похож на сына, то он женится. Если – нет, то сделаем экспертизу и посмотрим, что она покажет». Мамаша беременной давай страшать, что опозорит нас на весь город, что мне карьеру в милиции сломает, еще что-то приплела, но ничего не добилась. Отец говорит: «Хоть в суд подавай, хоть в партком! Пока мы ребенка не увидим, нам разговаривать не о чем!» На том и расстались.

Наступило время обеда. Еду привезли прямо в поле. Работники помыли руки из фляги, поели, сидя на ведрах, и завалились спать: кто – на картофельную ботву, кто – на пустые мешки, кто – на покрытую травой проплешину между рядками. Не успели они сомкнуть глаза, как обеденный перерыв закончился.

Вторая половина дня тянулась удивительно долго. Трушин объявил об окончании работ только после семи часов

вечера. В сумерках слушатели погрузили мешки в «Беларусь» с прицепом и поехали в поселок.

По дороге Рогов спросил у Виктора:

– Что ты думаешь об этой истории?

– Твой отец – умный мужик. Родится ребенок – там видно будет.

– На моем месте ты бы что делал?

– Женился бы на ней! Швея – хорошая профессия. В рваных штанах ходить не будешь.

– Ты дебил? – психанул приятель. – Я же серьезно спрашиваю.

– Стой до конца: «Я – не я, и лошадь не моя». Похоже, что Снежана с мамой хотят тебя одурачить, развести на ровном месте. Если бы это был твой ребенок, они бы в первые месяцы беременности к твоим родителям нагрянули, а не ждали черт знает чего. Приедем в школу, посоветуемся с кем-нибудь из преподавателей. Например, с Сопуновым. Он подскажет, как быть. Фотка у тебя есть?

– В общаге в чемодане лежит.

Ужинали при искусственном освещении. В кинозал вернулись в темноте. Час перед сном поболтали о всякой ерунде и завалились спать. Воронов хотел перед сном почитать книжечку про здоровье, но после целого дня в борозде буквы в брошюрке сливались, строки наползали одна на другую. Засунув книжку под матрац, он накрылся одеялом и мгновенно уснул.

На первом курсе, вернувшись из «Полетного», Воронов проанализировал свою жизнь в совхозе и разделил ее на три этапа: «Заезд» (воспоминания), «Апатия» (отупение) и «Натянутая струна». Каждый этап занимал примерно по десять дней. Привычное разделение месяца на недели в совхозе не действовало, потому что выходных дней не было. Первый этап – «заезд» – переносился относительно легко. В поле делились воспоминаниями, силы ползать целый день по полю с картошкой еще были. На втором этапе появлялось безразличие ко всему происходящему. Силы постепенно иссякали, разговоры становились все короче, так как все темы за предыдущие дни были исчерпаны. На третьем этапе появлялась нервозность. Ссоры из-за мелочей становились обычным делом. В поле слушатели в основном молчали, погруженные каждый в свои мысли.

На третьем этапе Трушин, чтобы разрядить обстановку, обмолвился, что в соседний совхоз приезжают на уборку урожая студентки мединститута. Несколько дней парни с надеждой вглядывались в поля: не мелькнет ли где девичий силуэт? Но чуда не случилось, и слушатели вновь помрачнели.

В этом году первый этап пролетел быстрее, так как большинство тем обсудили еще на первом курсе, а повторяться никому не хотелось. Разговоры в поле Воронов условно раз-

делил на четыре категории:

1. Воспоминания о проведенном отпуске: что делал, с кем и что выпивал, с какими женщинами флиртовал, удалось ли кого соблазнить. В воспоминаниях об отпуске женщины занимали львиную долю. Каждый уважающий себя рассказчик старался приврать: приукрасить красоту оставшейся в родном краю подружки, наделить ее пылкой страстью и любовным умением. С количеством соблазненных женщин слушатели старались не перегнуть палку. Если кто-то начинал сочинять, что менял любовниц как перчатки, то в эти сказочки одноклассники не верили: у каждого за плечами был собственный опыт проведенного отпуска.

2. Воспоминания об отпуске были тесно связаны с женской темой, самой излюбленной и обширной. Она включала в себя все аспекты взаимоотношений мужчины и женщины: любовь, разводы, измены, случайные половые связи и их последствия. Рассказчику необязательно было говорить о себе. Он мог сослаться на знакомого или даже когда-то прочитанный роман. Главное – рассказ о женщинах должен был быть интересным и правдоподобным.

3. Служба в армии. Рассказчики об армии делились на три группы. Первые, не стесняясь, заливали байки всем желающим о совершенных ими героических поступках и былинных подвигах. События у этих рассказчиков были всегда привязаны к месту службы: Афганистан, граница с Афганистаном или Китаем, далекие гарнизоны в таежной глуши. В

противоположность им были бывшие солдаты, которые при упоминании об армии плевались и проклинали каждый проведенный на службе день. Третьи занимали нейтральную позицию, отмалчивались и на расспросы отвечали: «Ничего интересного не было». Все три группы бывших военнослужащих сходились в одном: кто не служил в армии – тот не мужчина.

В учебной группе Воронова был двадцативосьмилетний парень по кличке Сэмэн. Он был единственным на курсе, кто не служил. Как службу в армии ему засчитали очное обучение в речном училище. Сэмэн был физически крепким, умным мужчиной, пользующимся уважением среди одногруппников. Но стоило разговору зайти об армии, как Сэмэна автоматически лишали права голоса. «Сэмэн, помолчи! – воскликнул как-то Дамбаев Даба. – Ты в армии не служил, значит, жизни не видел!» Дамбаев не скрывал, что в армии с первых дней попал под покровительство замполита и до самой демобилизации рисовал плакаты и портреты офицеров. В марш-бросках не участвовал, в караул не ходил. Вся его служба прошла в художественной мастерской, но! – погоны с буквами «СА» он носил, значит, имел право покрывать на маменькиных сыночков, увильнувших от запаха вонючих портянок в казарме.

4. Разное. В эту категорию входили все забавные случаи и любые мало-мальски интересные события, произошедшие от сотворения мира и до вчерашнего дня.

Как и предвидел Воронов, разговоры об отпуске быстро стихли. Развитие получила женская тема. Рогов, который в начале уборочной кампании поделился отпускными приключениями только с Вороновым, проболтался о беременной самозванке ближайшим друзьям. На другой день вся группа приняла участие в обсуждении навязываемой женитьбы.

– Ты не спеши изложить все события в одном предложении! – посоветовал Рогову многоопытный Вождь – двадцатидевятилетний любимец женщин, высокий стройный парень. – Рассказывай по порядку: что вы пили с приятелем, как девки появились, не было ли у тебя ощущения, что все это подстроено?

– Рог, он дело говорит! – поддержали Вождя одноклассники. – Откуда бы на гулянке фотоаппарат взялся? Ты что, на каждой вечеринке фотки делаешь?

Рогов вновь в подробностях вспомнил роковой вечер.

– Все понятно! – после недолгого размышления изрек Вождь. – Вначале вы пили водку, потом брагу. Самое опасное сочетание. С бражки после водки память только так отшибает. По себе знаю.

– Зачем же вы на брагу перешли? – спросил кто-то.

– Все было точно рассчитано, – стал оправдываться Рогов. – Мы бы до бражки не дошли, но тут появились девчонки и выпили нашу долю. Мы с приятелем прикинули: надо бы догнаться. Вина или водки в доме больше нет, в магазине

не купишь, к таксистам бежать – денег нет. У его родителей стояла брага. Мы подчерпнули по ковшичку, потом еще и еще. Вместо бражки долили воды, чтобы объем во фляге не изменился, а потом... Потом я ничего не помню.

– Брага на чем была настояна?

– Понятия не имею. Не я же ее ставил.

– Тут такое дело, – пояснил непьющим одноклассникам Вождь, – каждая бражка имеет свои свойства. Если она настояна на томатной пасте, то один ковшик примерно соответствует стакану сухого вина. Тот же ковшик браги, настоянной на горохе, может вызвать приступ агрессии или плаксивость. Как-то я видел, как два друга подрались после бражки на горохе, а жена одного из них весь вечер проплакала, проклиная несчастную судьбу. Наутро всем так стыдно было, что в глаза друг другу старались не смотреть. Еще один момент. Если брага не созрела, то от нее долго не опьянеешь, зато потом как даст – с ног свалит.

Введенный в стране в 1985 году «сухой» закон сыграл с его авторами злую шутку. Мужики не стали меньше пить – кто хотел, тот напивался, а вот ассортимент и качество спиртного не выдерживали никакой критики. Граждане, не готовые к многочасовому стоянию в очередях в винно-водочных магазинах, шли по проверенному пути – стали гнать самогон. Исходным сырьем для всех видов самогона является брага, которую при вызревании можно использовать как слабоалкогольный напиток. По наблюдениям врачей-нарко-

логов, большинство потребителей суррогатов употребляли брагу, как только она переставала бродить. До стадии самогоноварения доходило не более трети от первоначально заготовленного объема бражки.

– Скорее всего, дело было так, – подвел итог злоключениям Рогова Сватков. – Вы сидели, выпивали, пришли девчонки. Они с вами пропустили по рюмочке, сфотографировались. Если твой приятель увлекается фотографией, то ничего удивительного, что он сделал пару снимков на память. Потом вы с приятелем добавили бражки, опьянели, девкам стало с вами неинтересно, и они ушли. В марте Снежана почувствовала, что беременна. Так или иначе, об этом происшествии узнала ее мать и потребовала признаться, кто отец ребенка. Им мог быть кто угодно: похотливый сосед-алкаш, дальний родственник, случайный знакомый. Снежана решила не рисковать и перевела стрелки на тебя. Она посоветовалась с подругой и составила нехитрый план, в котором одно слабое звено: момент расставания вы описываете по-разному. Ты его не помнишь, а она утверждает, что вы трогательно простились утром. Тут вы каждый будете стоять на своем, но перевес на стороне девушки – она, как ни крути, беременна. Обговорив детали, девчонки пришли к твоему приятелю и попросили фотки: «Зря, что ли, позировали весь вечер?» Он изготовил фотографии, из которых они отобрали одну нужную. Дальше – дело техники, вернее, пробивной мамы. Если она сломит тебя или твоих родителей, то тебе при-

дется жениться на Снежане и воспитывать чужого ребенка.

– Ничего подобного! – вмешался в разговор Воронов. – Как они его заставят в ЗАГС пойти?

– Так и заставят! – поддержал Сваткова Вождь. – Обложат со всех сторон, в политотдел школы напишут, на родителей давить будут, и Рог сломается, скажет: «Черт с ним, женюсь! Развестись-то потом никто не запрещает».

Начался ожесточенный диспут. Часть группы считала, что жениться придется, другая часть уверяла, что Рогов выкрутится, обманщица будет посрамлена.

В разгар спора подал голос Биче-Оол:

– Рог, ты у нее живот не проверил? Может, она подушку под платьем привязала, а ты не заметил. Я так проверил...

Если бы парни обратили внимание на короткое и многозначное слово «так», если бы они поняли, о чем Биче-Оол говорит и какие это может повлечь последствия, то они бы тут же позабыли и о Рогове, и о его беременной знакомой. Но реплика Биче-Оола осталась без должного внимания. На нее отреагировал один только Рогов:

– Бич, ты дурак или прикидываешься? Когда бы я ее ощупывал? При родителях, что ли?

Начальник курса Трушин заметил, что после окончания обеда у него целая группа бездельничает. Вместо сбора урожая работнички расселись на пустых ведрах и о чем-то ожесточенно спорят. Трушин посмотрел на часы, хмыкнул и пошел поперек борозд наводить порядок. Пока он неспешно

шел к спорщикам, между ним и парнями проехал трактор «Беларусь», управляемый одnogруппником Воронова Петрухой. Петруха посигналил. Вождь обернулся, увидел начальника курса и первым схватил ведро:

– Пора работать!

Парни помахали трактористу, поблагодарили за предупреждение. Трушин, увидев, что спорщики взялись за дело, передумал идти на другой конец поля и остался у временно-го бивуака с водой.

Роясь в земле, Воронов размышлял, но не о проблемах Рогова, а об организации уборки урожая в совхозе «Полетное».

«Мы для совхозного руководства являемся сельскохозяйственными рабочими самой низкой квалификации. Предположим, что нам платить вообще не надо. Едет трактор по полю, сам картошку выкапывает, сам ее собирает, засыпает в мешки и грузит в прицеп. Допустим, механизация дошла до такого уровня, что участие поденщиков не требуется. Но – трактора! Практически на всех тракторах в поле работают наши ребята. Петруха еще в прошлом году в борозде ни дня не был. Как только бригадир полеводов узнал, что у него есть удостоверение механизатора, тут же посадил его на «Беларусь». Спрашивается, а где же совхозные трактористы? Если бы они массово ушли в запой, я бы понял, но в «Полетном» спиртного днем с огнем не сыщешь».

Появление Петрухи на тракторе дало новую тему для раз-

говора.

– Почему я не родился в деревне! – воскликнул Вождь. – Сейчас бы крутил баранку и радовался жизни.

– При чем здесь деревня? – не понял кто-то.

– Мы, городские, в десятом классе в учебно-производственном комбинате дурью маялись, изображали, что осваиваем никому не нужные профессии, а деревенские проходили курсы механизаторов. Что в итоге? Петруха – на тракторе, мы – в борозде, целый день по полю ползаем.

– Ты не прав! – не согласился Рогов. – У Петрухи жизнь не сахар. Он раньше нас встает и позже приходит. Когда на прошлой неделе трактор сломался, Петруха с совхозными мужиками до утра его чинил, всю ночь не спал.

– Интересно, – вполголоса сказал Воронов, – куда его зарплата уходит? Каждому трактористу положено платить...

– Заткнись, мать твою! – прошипел Рогов. – Тебе что, прошлогодних разборок мало?

В прошлом году на перекуре Воронов рассказал одногруппникам о жизни рабов в Древнем Риме.

– Если Рафаэлло Джованьоли не врет, то рабы в Риме жили лучше нас. У них были выходные дни. По праздникам хозяин давал им мелочь на посещение кабаков и развлечения с девицами. Раб мог обзавестись семьей или привести в свое убогое жилище проститутку. Мы же в этом забытом богом совхозе никаких прав не имеем. Пашем и пашем с утра до вечера, как проклятые.

Кто-то из одноклассников стуканул руководству, что слушатель Воронов ведет политически вредные разговоры. Настроить Воронова на путь истинный взялся замполит. После ужина он отозвал Виктора в сторонку и сказал:

– Ты эти бредни про рабов забудь! Мы сюда не обсуждать внутреннее устройство Древнего мира приехали, а работать. Мой тебе совет: почаще молчи, побольше слушай.

Воронов был поражен, что кто-то из одноклассников, кто ел с ним за одним столом и спал на соседней кровати, оказался доносчиком. Но сдаваться Виктор не собирался.

– Виктор Валентинович, – сказал он, – про рабов я в книге «Спартак» прочитал. Могу я ее содержание друзьям пересказать?

– Про то, как Спартак мечом размахивал, рассказывай, а про рабов в кабаках – забудь! Ты же умный мужик, Витя! Перестройка перестройкой, но некоторых тем касаться не стоит.

Воронов попытался вычислить, кто на него настучал, но – тщетно! Доносчик остался неразоблаченным. Вняв предупреждению замполита, Воронов стал осторожнее и неожиданно для себя понял скрытый смысл детской песенки из фильма «Буратино». В одной из сцен по городу едет Карабас-Барабас в повозке, рядом с ним – куклы-марионетки. Куклы поют:

– *Да здравствует наш Карабас удалой!*
Уютно нам жить под его бородой.

«Карабас – это государство, – догадался Воронов. – Его борода – это сборник правил поведения в обществе. Пока ты находишься под бородой и тебя никто не видит, можешь творить что хочешь: рассказывать антисоветские анекдоты, пьянствовать, блудить с чужими женами. Как только ты вылез из-под бороды на свет, так обязан быть образцовым гражданином и патриотом. По щелчку кнута Карабаса ты должен запеть песенку о его добродетелях, иначе этот кнут пройдет-ся по твоей спине».

Начало перестройки Воронов воспринял как появление ножниц, которые если не отрежут Карабасу бороду, так хотя бы укоротят ее, сделают сборник правил не таким всеобъемлющим, регламентирующим каждый шаг и каждый вздох.

Вечером Воронов спросил у Петра:

– Расскажи мне, как бывший сельский житель, в чей карман идет твоя зарплата тракториста?

– Может, она никуда не идет, – немного подумав, ответил Петр. – С чего ты решил, что ее вообще начисляют?

– Трактор расходует солярку, ее надо списывать. Если трактор не работает, то солярку списать нельзя, а если работает, то трактористу должны начислять зарплату.

Петр покурил, подумал, вспомнил работу в родном совхозе и сказал:

– Скорее всего, наши трактора числятся в ремонте, а солярку списывают на ту технику, которой управляют совхозные трактористы. По бумагам они будут ежедневно перевы-

полнять план, выйдут в передовики производства, по окончании уборочной кампании получают хорошую премию, грамоты, путевки в санаторий. Я бы на месте директора совхоза так поступил.

На другой день из Хабаровска привезли почту. Воронов получил письмо от матери и извещение на получение посылки. Посылку Виктор отправил сам себе в последний день отпуска. По опыту первой поездки в «Полетное» он знал, что в город можно вырваться только для получения посылки или денежного перевода.

Трушин, глянув на извещение, выезд в Хабаровск разрешил.

– До обеда отработаешь, в четыре часа вечера со школьным автобусом уедешь. Завтра утром получишь посылку, и с тем же автобусом назад. Никакие задержки за уважительную причину приниматься не будут.

В ожидании отъезда Виктор прикидывал, как можно с толком и пользой провести время в Хабаровске.

«Посылку получу рано утром. До автобуса в совхоз у меня будет часов шесть свободного времени. Рвану в общежитие института культуры, а там... Жалко, Рог не объяснил, будет он теперь поддерживать отношения с Алиной или женитьба все перечеркнула? У меня бы на его месте не было никакого желания с девушкой встречаться. Какая любовь, когда каждую минуту о беременной самозванке думаешь?»

В четверг, после обеда, Виктор привел себя в порядок и

первым сел в полупустой автобус. Вольнонаемный водитель посчитал пассажиров, сверился с маршрутным листом и весело сказал:

– Пока едем, можете вздремнуть! По пути ничего интересного не будет – лес да поля.

– До закрытия успеем? – поддержал шутливый тон однокурсник Воронова.

– За молочком от бешеной коровки? Не-е, сегодня постный день. Не успеем.

На входе в общежитие Воронова поджидал Николай Наумкин, крупный, солидный тридцатилетний мужчина с едва наметившимся брюшком. Как ни странно, Наумкин был однокурсником Воронова, а не его преподавателем или наставником. При отъезде в совхоз Трушин оставил Наумкина дежурным по общежитию. Ни для кого не было секретом, что Наумкин закончил первый курс с грехом пополам, некоторые экзамены пересдавал по два раза. Учеба не давалась ему: сказывался возраст и отсутствие желания познать юриспруденцию. Но человек он был надежный, и при нем Трушин мог не беспокоиться о порядке в общежитии.

– Привет! – «обрадовался» появлению Воронова Николай. – Как дела в «Полетном»?

– Съезди – узнаешь! – огрызнулся Виктор.

У Воронова не было никакого настроения рассказывать бездельнику о монотонной, нудной работе в поле, об отсутствии развлечений и условий для нормального отдыха.

– Понял: не важно, – оценил ответ Наумкин.

Воронов поднялся к себе на этаж, открыл комнату и с удовольствием завалился на кровать. Спешить ему было некуда: ужин уже прошел, в городе его никто не ждал. Этим вечером он был предоставлен сам себе.

«Предположим, просто предположим, – размышлял он, –

что утром я получил посылку и встретился с Алиной или Золушкой. Встреча может затянуться до позднего вечера или даже до ночи. Как поступить: рискнуть остаться или вернуться в совхоз со школьным автобусом? Опоздание Трушин не простит. Из школы за такое нарушение распорядка не выгонят, но скандал могут устроить знатный. Лишат всю группу выездов за посылками на неделю... Получилось бы так: я пришел к ним в общежитие, а в комнате только одна из девушек. Золушку бы я сразу в кровать уложил, с Алиной дальше поцелуев вряд ли бы продвинулся. Но и то было бы дело! До самого конца совхозной эпопеи бы вспоминал. Перед приятелем было бы неудобно, но, с другой стороны, Алина не жена Рогову, верность блюсти не обязана».

Виктор встал, нашел в шкафу чистое белье, пошел в душ. В «Полетном» помыться с головы до ног удалось всего раз, а желания плескаться в холодной воде по утрам с каждым днем становилось все меньше и меньше. Вступившая в свои права стадия «безразличия» сказывалась на всех областях жизни слушателей, в том числе на гигиене и внешнем виде. Парни, уставшие за день в поле, вечерние гигиенические процедуры ограничивали мытьем лица и рук. На пыль и грязь, постепенно проникающие под одежду, внимания не обращали. «Какой смысл тащиться в умывальник и протирать тело мокрой тряпкой, если завтра опять в борозде целый день копаться? – задавали себе вопрос слушатели и сами же на него отвечали: – Никакого! Дома отмоемся».

С бритьем было то же самое: пока Трушин или замполит не делали замечание, никто не брился. Со стороны слушатели в поле выглядели как бродяги, отловленные по всему краю для принудительного труда: мрачные небритые лица, сальные волосы. Одеты кто во что горазд: в выцветшие куртки-штормовки, в старые свитера, спортивные трико, в телогрейки на размер больше. На ногах почти у всех – кирзовые сапоги. Они больше бы следили за своим внешним видом, если бы рядом работали девушки или женщины. Само их присутствие заставляло бы бриться и чистить одежду каждый день. Отсутствие женского пола усиливало безразличие, но оно действовало только в совхозе. В городе же никому бы на ум не пришло выйти на улицу с немойтой головой или грязной шеей.

Отмывшись в душе и постирав вещи, Воронов вернулся в комнату, повесил белье сушиться и решил пройтись по общаге, посмотреть, кто есть живой. На его счастье, в этот день заступил дежурить знакомый парень из параллельной группы. Он угостил Виктора чаем и скормил ему приготовленные женой бутерброды. Выслушав школьные новости, Виктор ушел спать. Вечер, как он и ожидал, ничего интересного не принес.

Утром Воронов получил посылку, забросил ее в общежитие и поехал в институт культуры. В расписании занятий группа, в которой учились Алина и Золушка, отсутствовала. Вернее, колонка с наименованием группы была на месте, но

вместо уроков значилось «с/х». Сельхозработы. Они могли быть разными: с выездом в колхоз или без выезда, на плодово-овощной базе. Проверить, уехали девушки или нет, можно было только одним способом – посетить общежитие. Вход в него охраняла бдительная вахтерша. Мимо нее можно было незаметно проскочить, воспользовавшись возвращением студенток с занятий, но сегодня этот способ отпадал – все студентки еще сидели в аудиториях, грызли гранит науки.

Шагнув в фойе общежития, Воронов приготовился к различному развитию событий. Например, к такому:

– Вы к кому, молодой человек?

– Я – из милиции, вот служебное удостоверение. Одна ваша студентка стала свидетелем дорожно-транспортного происшествия. Мне надо получить от нее объяснение.

– Как фамилия студентки?

– Прошу прощения, вы кто: вахтер или начальник студенческого отдела кадров? С каких это пор сотрудник милиции обязан отчитываться за свои действия?

Как весомый аргумент, в удостоверении Воронова лежал вкладыш о том, что он является стажером УУР краевого УВД. Управление уголовного розыска – организация серьезная, ни одна вахтерша с ней связываться не будет.

К удивлению Виктора, старушка на вахте проявила к нему полнейшее безразличие, сделала вид, что не заметила, как мимо нее уверенно прошел незнакомый молодой мужчина. За вахтой начиналась территория свободы. Что там происхо-

дит, вахтершу не интересовало. Мужчина, миновавший пост на первом этаже, мог пребывать в общежитии сколько угодно. Если, конечно, было у кого остановиться.

На третьем этаже Виктор свернул к комнате Алины, сделал пару шагов и остановился, привлеченный интересной надписью. «СПИД – не спит!» вывел неизвестный автор толстым красным фломастером на двери в третью от входа комнату.

«СПИД – это новое венерическое заболевание, – припомнил Воронов. – Говорят, что если заболеешь, то уже не вылечишься».

Не успел Виктор вспомнить, что он еще знал о СПИДе, как дверь в комнату распахнулась, и на пороге появилась невысокого роста девушка в поношенном домашнем халате. Лицо незнакомки было серым, помятым, словно она пьянствовала всю неделю и только сейчас отошла от алкогольного дурмана. Верхняя пуговица на халате отсутствовала, делая вырез глубоким до неприличия.

– Че уставился? – спросила незнакомка хриплым прокуренным голосом.

– Надпись интересную заметил.

– Чего?

Девушка обернулась, увидела оскверненную дверь и разразилась такими матами, что ей бы позавидовали грузчики амурского речного порта.

– Неплохо для института культуры, – похвалил Воронов. –

Ты, я вижу, из Сибири?

Незнакомка плюнула на палец, попыталась оттереть надпись, но тщетно! Краска фломастера впилась в дверь и без применения моющих средств исчезать не собиралась.

– Трудись! – весело сказал Виктор и пошел дальше по коридору.

Дверь в комнату Алины была закрыта.

– Они все в совхоз уехали, – объяснила девушка с оторванной пуговицей. – До октября не вернутся.

Виктор пожал плечами и пошел на выход. Продолжать знакомство с неряшливой соседкой Алины он не хотел. Но у девушки были другие планы.

– Подожди, – остановила она. – Ты как догадался, что я из Сибири?

– Слово «че» только у нас говорят.

– Ты откуда?

– Из Новосибирска, – соврал Виктор. Он никогда не говорил первым встречным правдивых сведений о себе.

– Я из Томска. Не знаешь, чем эту пакость можно стереть?

– Попробуй мылом, должно помочь.

– Ты к кому из них приходил?

– Письмо просили занести, – уклончиво ответил Воронов. – Так говоришь, их до конца месяца не будет? Понятно. Хозяин письма в октябре сам занесет.

С лестничной клетки на этаж поднялась беременная девушка, по виду якутка или монголка. У нее был узкий раз-

рез глаз, широкое лицо, бледная кожа. Ни слова не говоря, девушка прошла мимо и скрылась в дальней комнате.

«Беременная Снежана – это, конечно, проблема, тут Рогову не позавидуешь, но как бы все поменялось, если бы к его родителям пришла не она, а якутка. Предъявила бы фотографию, то-се. Вот бы он попрыгал! Тут бы и Снежана нормальной невестой показалась. Интересно, когда эта девушка родит, ее в общежитии оставят или на улицу выставят? Скорее всего, домой отправят, в академический отпуск».

Девушка из Томска заметила, как Воронов рассматривает беременную.

– Говорят, какой-то тувинец из школы милиции ее обрюхатил, – сказала она. – К ним в комнату много парней приходило, все нерусские, все на одно лицо...

Воронов не стал дослушивать разговорившуюся землячку и покинул общежитие. На повороте на остановку он оглянулся, посмотрел на окно Алины.

– Не судьба! – вслух сказал он и поехал в город – погулять по улицам, посмотреть на прохожих, вспомнить, что, кроме бескрайних картофельных полей, есть еще и другая жизнь, полная приятных мелочей и развлечений.

В четыре часа дня Воронов, чистый, сытый и, в общем-то, довольный жизнью, сел в школьный автобус и уехал в «Полетное». Во время прогулки по Хабаровску он вдоволь насмотрелся на хорошеньких девушек, съел мороженое, купил сигарет с фильтром. Словом, с толком провел время.

В совхозе вновь потянулись безрадостные дни в борозде. Апатия все больше овладевала слушателями. Иногда им целыми днями было не о чем поговорить. Наступала стадия раздражения, когда на любой вопрос можно было услышать ответ в духе незнакомки из комнаты с исписанной дверью.

Совхозное руководство, чтобы поддержать моральный дух работников, заказало в райцентре кино. Фильм прокрутили в кинозале. Однокурсники Воронова смотрели его, лежа на верхнем ярусе кроватей, остальные расселись, кто где мог. Реакция на фильм была совсем не такой, на какую рассчитывал директор совхоза. Как только на экране появились первые кадры и до зрителей дошло, что будет фильм про деревню, так они тут же взвыли: «Вы что, издеваетесь, что ли? Не могли детектив заказать?»

– Спокойно! – властно прервал начинающийся бардак Трушин. – Кто-то стонал, что женщин третью неделю не видит? Сейчас они появятся...

Вместо красавиц-селянок весь фильм мудрый отец учил сыновей пахать землю. Сыновья его были настолько тупыми, что никак не могли понять, с какой стороны подходить к сохе. В конце фильма отец с сыновьями дружно запели:

*– Прадед мой был природный пахарь,
И я работал вместе с ним!*

В песне было восемь куплетов. Как только она закончи-

лась, Воронов решил похвалиться своей отменной памятью и пропел все куплеты, ни разу не сбившись. Его способности ни удивления, ни похвалы не вызвали. Апатия среди одноклассников уже достигла такого уровня, что им было безразлично, кто что поет.

В прошлом году Воронов привез с собой самоучитель по английскому языку, думал позаниматься на досуге. Затея оказалась невыполнимой – вначале не хватало сил и времени раскрыть книгу, потом стало лень вникать. В этом году он не стал мудрить с учебником и правильно сделал: на второй стадии пребывания в «Полетном» апатия достигла такого уровня, что он не смог прочесть даже тонкую книжку о здоровом образе жизни.

Как-то в поле Воронов поймал себя на мысли, что почти месяц не смотрел новости по телевизору и не читал газет.

– Рог, – позвал он приятеля, – ты знаешь, что в стране делается? Может, перестройка закончилась? Мы тут в каком-то информационном вакууме пребываем: ни газет, ни радио.

– Господи, мне бы твои заботы! – раздраженно ответил Рогов. – Я целыми днями про Снежану думаю, про ребенка, а ты – о перестройке!

В последнюю субботу сентября с самого утра лил дождь. Неожиданно для слушателей в «Полетное» приехал начальник школы. Для его выступления перед личным составом в кинозал из поселкового совета принесли трибуну с гербом

СССР.

Полковник Толмачев был опытным руководителем. Он знал, как встряхнуть личный состав и заставить работать из последних сил до самого окончания уборки урожая.

– Я знаю, какие разговоры идут между вами, – начал Толмачев. – «Мы пашем с утра до ночи, а деньги за наш труд неизвестно кто получает». Так ведь? Есть такие разговоры? Теперь ответьте: в честь чего вам должны две зарплаты платить? Вы все – кадровые сотрудники милиции и получаете зарплату или стипендию согласно штатному расписанию. Считайте свое пребывание в совхозе временной сменой деятельности. В Хабаровске вы учитесь или преподаете, а здесь, в «Полетном», помогаете подшефному совхозу.

После краткого выступления начальник школы собрал офицеров на совещание, а слушателей, чтобы зря не сидели в Доме культуры, отправил на склад – перебирать картошку. Смена деятельности разрядила обстановку, но ненадолго. К вечеру все опять были злыми и неразговорчивыми.

В воскресенье из Хабаровска приехал школьный ансамбль во главе с заведующим клубом. На площади перед Домом культуры на грузовике с открытыми бортами установили аппаратуру, настроили гитары. После ужина начался концерт, на который пришли местные жители. Первая же песня вызвала у местных восторг, а у слушателей – очередной приступ раздражения.

– Ах, Поле-Поле-Полетное, бывшая окраина,
Белочка на елочке семечки грызет.

– Мать его! – выругался Вождь. – Бывшая окраина! А сейчас что, центр мироздания?

– Это переделанная песня, – подсказал кто-то. – В оригинале «Веселые ребята» про окраину Москвы поют.

Послушать заезжих музыкантов пришли несколько местных девушек. Они постояли на краю площади и тихо разошлись по домам. В танцах приняли участие только повеселевшие от музыки и тайно выпитого самогона трактористы да работницы склада. Слушателей пляски не заинтересовали.

– Вас бы, бездельников, в борозду! – зло сказал Сватков. – Посмотрели бы, про какие семечки вы потом бы пели.

В предпоследний день пребывания слушателей в совхозе с проверкой внезапно нагрянуло партийное начальство. Секретарь райкома партии, объезжая поля на служебной «Волге», велел остановиться у севших на перекур парней из группы Воронова. Виктор первым сообразил, как надо действовать.

– Леня, иди, докладывай партийному боссу! – велел он.

Парторгу группы Леониду Зайцеву был тридцать один год. Он был невысокого роста и практически лысый, за что получил кличку Генсек.

– Я не пойду, – испугался Зайцев. – Я не имею права ему

докладывать.

– Иди, сволочь! – зашипели на него одноклассники. – Строевым шагом иди! Ты – парторг, тебе и докладывать.

Зайцев тоскливо посмотрел на дальнее поле, где были Трушин и замполит, вздохнул и пошел навстречу судьбе. Секретарь райкома оторопел, увидев, как к нему, перешагивая через борозды, строевым шагом направляется лысый мужик в телогрейке.

– Кто это? – в изумлении спросил партийный руководитель.

Референт секретаря глянул в список, нашел фамилию ответственного за уборку на данном участке и уверенно доложил:

– Подполковник Трушин, начальник курса.

Весь недолгий путь до «Волги» Леня прикидывал, как ему начать доклад. Если бы он знал, что приехал первый секретарь райкома, то отпраповал бы так: «Товарищ первый секретарь Лазовского райкома партии...» Но если приехал не секретарь райкома, а председатель райисполкома, то ему как докладывать? На выручку Зайцеву пришел сам высокий гость.

– Здравствуйте, товарищ Трушин! – сказал он и протянул руку для приветствия.

Леня не смог возразить. У него в голове от волнения отключилась функция управления речью. Он молча пожал руку партийному боссу и уставился под ноги, не зная, что даль-

ше делать.

– Крепитесь, товарищ Трушин! – сказал секретарь райкома. – Немного осталось. Завтра уберете турнепс и можете выдвигаться домой.

– Задание партии выполним! – справившись с волнением, выкрикнул Зайцев.

– Молодец! – похвалил странного «подполковника» партийный руководитель и уехал проверять другие участки.

Замполит, узнав об этом происшествии, смеялся до слез.

– Так ты решил начальника курса подсидеть? – спросил он. – Не рановато ли?

– Это Воронов во всем виноват, – насупился Зайцев. – Я не хотел идти, он заставил.

Вечером второго октября слушатели вернулись в школу. Общее настроение высказал Сэмэн.

– Дом, милый дом! – воскликнул он, входя в общежитие. – Кто бы знал, как я скучал по тебе!

Как только представилась возможность, Рогов показал Воронову предъявленную матерью Снежаны фотографию. Виктор внимательно изучил снимок. Проверил, нет ли пояснительной надписи на обороте.

– Ну что же, – сказал он, – проведем следственно-криминалистическое изучение представленного снимка. Фотография любительская среднего качества. На ней запечатлен нетрезвый молодой мужчина в обществе двух девушек, примерно 18–20 лет. Мужчина сидит на диване, во взгляде его улавливается некая бессмысленность, то есть он понимает, где находится, но относится с безразличием к происходящим событиям. Мужчина обнимает за плечи девушек. Они улыбаются. Теперь вопрос: с которой из них ты впоследствии переспал?

– Я ни с кем не спал, – начал было Рогов, но Виктор перебил его:

– Отвечай на вопрос: с кем ты из них был близок этой ночью?

– Вот с этой, – Рогов ткнул пальцем в девушку слева.

– Ха, забавно! – воскликнул довольный Воронов. – Почему же с этой, а не с другой? Или на фотографии запечатлен тот момент, когда ты еще не определился с выбором? Как я помню, одна из них – подруга хозяина квартиры, то есть на

нее ты глаз положить не мог. В чем разница между положением девушек на фотографии? Никакой.

– Погоди-ка... – пробормотал Рогов.

– Если бы вы встречались пара на пару, – продолжил развивать мысль Воронов, – ты бы обнимал только Снежану, или она бы сидела ближе к тебе или вовсе у тебя на коленях. На этом снимке ты сидишь с девушками, которые тебе одинаково безразличны. Судя по твоим пустым глазам, тебе было по фигу, кого обнимать. Если бы на место одной из девочек запрыгнула большая собака, ты бы и ее обнял.

Рогов схватился за голову:

– Ничего не понимаю! Почему, когда я увидел эту фотку в первый раз, она показалась мне веским доказательством?

– Мамаша Снежаны сбила тебя с толку своим натиском, вот ты и принял пустышку за улику.

Обрадованный приятель тут же написал письмо отцу. Получилось сумбурно, с многочисленными отступлениями, но в целом смысл рассуждений Воронова ему удалось передать довольно точно.

С октября потянулись учебные будни: семинары, лекции, наряды по кухне, караул, несение патрульно-постовой службы в городе. От апатии и совхозного отупения не осталось и следа. Через пару дней после возвращения никто уже не нервничал по каждому поводу, не морщился, рассматривая забившуюся под ногти грязь. Слушатели стали чистенькими, пригожими и веселыми. По вечерам появилось свобод-

ное время. Рогов вновь стал встречаться с Алиной и не удержался, рассказал ей о беременной самозванке. Реакция девушки удивила его.

– Прикинь, Ворон, она реально охладела ко мне, как только узнала о Снежане.

– Немудрено, – хмыкнул Воронов.

– Что «немудрено»? – обозлился Рогов. – Я со Снежаной познакомился в феврале, а Алину в первый раз увидел только в марте. Если она меня приревновала, то это же глупо!

– Перекинь мостик с февраля в конец лета. Если ты блудил все зимние каникулы, то наверняка в августе вел себя точно так же. Зачем приличной девушке выстраивать серьезные отношения с парнем, который волочитя за каждой юбкой, а потом с удивлением узнает о беременности случайной знакомой?

– О каких серьезных отношениях ты говоришь! Серьезные отношения – это любовь, а для любви нужно место, где встречаться. Любви без уединения не бывает!

– Тут ты прав, – согласился Воронов. – Прогулки по городу и поцелуи у крылечка – это тупиковый путь. Кстати, я сделал интересное наблюдение. Девчонки соглашаются пойти в нашу общагу только в первые дни знакомства. Раз или два уговорить зайти можно, а потом – на буксире не затащишь.

В субботу Рогов предложил сходить с девушками в кино. Компанию Алине должна была составить ее соседка по комнате Таня, которую парни окрестили Золушкой. Воронов не

афишировал свои отношения с Таней и после бурных августовских встреч не видел ее. Поход в кино отношения Рогова и Алины не улучшил. Чувствовалось, что девушке стало неинтересно с Роговым и она решила вывести его в резерв – не разрывать отношения до конца, но количество встреч свести к минимуму. В кинозале совершенно случайно они расцелись так, что Воронов оказался между девушек. После киножурнала в зрительном зале на мгновение наступила темнота. Воронов решил воспользоваться моментом и одновременно положил руки на колени Алине и Золушке. Алина аккуратно сняла его руку и вернула на место, а Таня ласково накрыла его ладонь своей.

«Выбор сделан! – решил Воронов. – Золушка так Золушка! Она хоть невзрачненькая, зато без претензий».

После киносеанса пары разошлись. Рогов пошел провожать Алину до общежития института культуры, а Воронов повел Таню в кооперативное кафе – угостить горячим шоколадом.

– Теперь мы сможем спокойно встречаться, – по пути сказал он. – На все вопросы у тебя будет хорошая отговорка: «Нас Алина познакомила». Какие у тебя планы на следующую субботу?

– Никаких, – обреченно вздохнула Золушка. Она уже поняла, что следующая встреча будет в общежитии школы милиции.

Вечером Рогов объявил, что расстается с Алиной.

– Если она такая дура и не может понять, что на моем месте мог бы оказаться любой мужчина, то зачем мне такая девушка нужна?

– Отсюда мораль: никогда не рассказывай женщине о своих похождениях – не поймет.

Рогов внимательно посмотрел на приятеля, припомнил лето и изрек:

– Мне кажется, у нас отношения дали трещину после того, как ты с ней в реке целовался.

– Но-но, полегче, дядя! – жестко оборвал его Виктор. – Мы целовались для дела, с твоего разрешения и под твоим руководством.

– Чего-чего? – не понял Рогов.

– Ты был на берегу, все видел – значит, руководил процессом.

– Ладно, черт с ней, с Алиной, – не стал спорить Рогов. – Ты-то как, нашел общий язык с Золушкой?

– Знакомство состоялось. Пили горячий шоколад по цене один рубль крохотная чашечка, болтали о всякой всячине, на прощание трогательно поцеловались у общежития. Кстати, я пригласил Золушку в гости, она не отказалась.

– Быстро ты ее окрутил! – удивился Рогов. – В следующую субботу Сват в город сваливает. Могу на его кровати переночевать.

В учебе и дежурствах пролетел октябрь. В первых числах ноября на курсе произошло ЧП. Николай Наумкин и его земляк с факультета оперативно-разыскной деятельности подрались в ресторане с гражданскими парнями. Случай был заурядный: две мужские компании не поделили девушек, вышли на улицу выяснить отношения. В разгар драки к ресторану примчались сразу несколько экипажей ППС. Дебоширов повязали и доставили в ближайшее отделение милиции. При разборе происшествия стороны взаимно отказались от претензий, и дело бы закончилось миром, но между милиционерами патрульно-постовой службы и слушателями высшей школы МВД была взаимная неприязнь, тянувшаяся уже не первый год. Милиционеры настояли на официальном ходе дела, и их рапорты о нарушении слушателями общественного порядка попали к начальнику школы.

Полковник Толмачев запросил личные дела Наумкина и его приятеля, самих виновных для дачи объяснений не вызывал. После изучения личностей нарушителей дисциплины Толмачев принял решение: Наумкина из органов МВД уволить. Свое решение полковник объяснил так: «Наумкину тридцать лет. Учится из рук вон плохо, отстаёт по всем предметам, будущей профессией овладевать не стремится. Мне такие слушатели, поступившие в школу неизвестно для чего,

не нужны». Второй участник конфликта отделался строгим выговором.

Седьмого ноября, поздно вечером, милиционеры ППС доставили в школу пьяного Биче-Оола. Он, как и Наумкин, подрался у ресторана и был задержан на месте происшествия. Это был уже третий случай, когда его задерживали в городе в нетрезвом состоянии.

Биче-Оолу Андрею Майодыру-Ооловичу было двадцать четыре года, по званию – младший сержант милиции, уроженец города Кызыл Тувинской АССР. Среди абитуриентов, поступивших в школу в 1986 году, он был единственным тувинцем. Однокурсники звали его Бич. Не Андреем же называть, когда Андреев на курсе пруд пруди.

Биче-Оол на кличку не обижался, он вообще был парнем спокойным и даже флегматичным. С учебой у него было несколько не лучше, чем у Наумкина, но его ни разу не отправляли на пересдачу экзаменов – сказывался национальный фактор. В первый раз Бича доставили пьяным через три месяца после зачисления. К удивлению одноклассников, за совершение столь серьезного дисциплинарного проступка Биче-Оола практически не наказали, ограничились выговором. Второй раз Бич не просто попался пьяным, а был доставлен в невменяемом состоянии в медицинский вытрезвитель. Руководству школы стоило определенных усилий уговорить начальника городского УВД замять этот позорный случай.

Дисциплинарный проступок Биче-Оола рассматривался

судом чести, в котором участвовала только учебная группа, а не весь курс. Председательствовал на суде замполит. Он зачитал рапорты сотрудников милиции, выслушал объяснения Бича и его заверения, что больше такое не повторится. От себя замполит сказал:

– Ни для кого не секрет, что до знакомства с русскими первопроходцами коренные народы Севера не знали, что такое алкоголь и какие последствия наступают после его употребления. У якутов, тувинцев, бурят и других народов Севера организм не приспособлен к эффективному расщеплению метаболита этанола. У них просто отсутствует ген, ответственный за ферментацию этилового спирта и безболезненное удаление продуктов его распада. Даже при малом количестве употребленного спиртного представители коренных народов Севера сильно пьянеют. Это, конечно, несколько не умаляет вины Биче-Оола: не можешь пить – не бери в руки спиртного, но все же...

– Что для русского похмелье – для тувинца смерть! – поддал голос Вождь.

– Примерно так, – согласился замполит. – Какие будут предложения о наказании Биче-Оола?

– Выпороть! – предложил Рогов.

– Я серьезно спрашиваю, – посуровел замполит.

Суд чести был формальностью, данью сложившимся в офицерской среде традициям. Решение о наказании Биче-Оола уже было принято руководством курса и одобрено

начальником школы.

– Виктор Валентинович! – обратился к замполиту Мотков, командир учебной группы. – Как старший товарищ, подскажите, какое решение нам принять?

– Я думаю, резолютивную часть протокола суда чести надо изложить в следующей редакции: «Суд чести ходатайствует перед руководством Дальневосточной высшей школы МВД СССР об объявлении Биче-Оолу Андрею Майодыр-Ооловичу строгого выговора». Кто за, прошу голосовать. Принято единогласно. Биче-Оол! Еще один залет, и мы попрощаемся с тобой. Второй суд чести устраивать никто не будет.

В тот же день замполит объявил о проведении в группе Воронова закрытого комсомольского собрания. Слушатели удивились необычной форме проведения собрания, но уточнять детали не стали. Если есть закрытые партийные собрания, то почему бы не быть закрытому комсомольскому собранию? Во времена перестройки всякое возможно.

В группе Воронова было 29 человек. Из них четверо – буряты, один узбек, один азербайджанец, один армянин, один тувинец и один татарин. Бурят по национальности Никита Никульшеев поступил в школу из Якутии, и его все считали якутом. Никита свою причастность к якутской нации с гневом отрицал: «Я что, на якута похож, что ли?» Русские одноклассники соглашались: «Не похож!» – и продолжали считать его якутом.

Татарин Мустафин был мускулистым голубоглазым муж-

чиной. Родным языком он не владел, даже стакан воды попросить бы не смог. На момент проведения закрытого комсомольского собрания в группе было два коммуниста, двадцать три комсомольца и четыре человека, покинувших ВЛКСМ по причине достижения предельного возраста членства в этой организации. Среди оказавшихся беспартийными были узбек, азербайджанец, армянин и один русский. Все буряты, тувинец и татарин были комсомольцами.

Перед собранием замполит разъяснил комсorghу группы, кто в нем должен участвовать. Комсорг не стал задавать лишних вопросов, позвал бурят и тувинца к себе в комнату и сказал: «Вы остаетесь в общежитии». Никита стал было возмущаться, но комсорг разъяснил ему, что в закрытом комсомольском собрании принимают участие не все комсомольцы, а только те, кого выберет партийное руководство курса.

– Не переживай, – сказали Никите земляки. – Вернутся парни с собрания, узнаем, о чем там толковали.

Закрытые партийные собрания, как и закрытые письма ЦК КПСС рядовым членам партии, были не более чем профанацией, пародией на внутрипартийную дисциплину. Содержание любого «закрытого» письма тут же становилось известным комсомольцам и беспартийным.

Комсомольское собрание началось после ужина. В учебном классе за парты расселись комсомольцы, слушатели-коммунисты и беспартийный русский. Председательствовал замполит. Свою речь он начал без вступления:

– Вы вправе спросить, почему за тяжкий дисциплинарный проступок последовало такое снисходительное наказание, словно Биче-Оол не в медвытрезвителе побывал, а не вовремя на построение вышел? Я отвечу вопросом на вопрос: в Туву вместо Биче-Оола вы работать поедете? Кто из вас пожелает продолжить службу в Якутии или отдаленных поселках Бурятии? Никто. А они вернутся. Русских специалистов много, национальных кадров – мало. Если вы думаете, что мне доставляет большую радость с пьяницами возиться, то вы ошибаетесь. У меня на этот счет свое мнение, но оно никого не интересует. В национальном вопросе есть только одно мнение – это мнение партии!

Пока замполит говорил, его голос все больше твердел и наконец достиг жесткости молибденовой стали:

– Школа – это кузница кадров МВД. Национальным кадрам мы даем не только образование, но и правильное мировоззрение, которое они понесут в массы в национальных республиках. Вам это будет не под силу. Вы не знаете менталитета народов Севера, вы всегда будете для них чужими, а они – старшими братьями, к мнению которых прислушиваются. Не важно, кто из них будет работать следователем, а кто уйдет в другие службы. Главное – они составят костяк национальных милиций, будут кадровыми офицерами, на которых мы всегда сможем положиться. Вопросы есть?

Вопросов, разумеется, не было.

Получив последнее предупреждение, Бич долго крепился,

но не утерпел и вновь попался на пьянке. Участь его была решена. Как бы ни нуждалась Тувинская республика в офицерах милиции с высшим юридическим образованием, оставлять Биче-Оола в школе никто не собирался.

Вечером Бич пришел в комнату к Воронову. Следом зашли Сватков и Вождь.

– Говори! – велел Рогов.

– Мужики, выручите! – взмолился Бич. – Я попал в ужасную историю и не знаю, как из нее выпутаться. Я не боюсь отчисления, но мне сейчас никак нельзя уезжать из Хабаровска. У меня женщина должна скоро родить.

При этих словах Рогов напрягся, остальные неподдельно заинтересовались тайной жизнью одногруппника.

– Рассказывай по порядку, – предложил Сват.

– Про что рассказывать? Про драку? – не понял Бич. – Я встретился с земляком, чтобы узнать последние новости из Тувы. Выпили совсем немного. Я, почти трезвый, поехал в школу, тут-то они меня и подкараулили у ресторана «Амур». «Пошли, – говорят, – обсудим твое поведение». Мы зашли за ресторан. Самый крепкий из якутов тут же дал мне по ребрам. Я ответил. Завязалась потасовка: их – трое, я – один. Они бы меня до смерти забили, но увидели экипаж милиции и убежали. Я остался лежать на снегу. Милиционеры помогли мне подняться на ноги, приняухались и говорят: «Пьяный! У нас как раз для плана одного человека не хватает». Для выяснения личности меня привезли в райотдел, оттуда – в

школу. Если бы не драка, я бы сам спокойно доехал. Выпили-то мы совсем чуть-чуть!

Бич был коренастым крепким парнем. На занятиях рукопашным боем мастерством не блистал, но постоять за себя мог.

– Ты про беременную рассказывай! – потребовал Рогов. Для него эта тема оставалась животрепещущей, самой насущной.

– Познакомился я с одной якуткой, учится на третьем курсе института культуры, зовут Надя Алексеева. У меня есть фотка, потом покажу. Стали встречаться, она забеременела. Я не думал, что это может случиться так скоро. Мы раза два всего оставались вдвоем, и вот она заявляет: «У нас будет ребенок!» Я не поверил, подумал, что она от другого забеременела, поговорил с ее соседками по комнате, они в один голос утверждают, что, кроме меня, Надя ни с кем не встречалась. Я, кстати, был у нее первым мужчиной, вот и влип. Говорят же, что девственницы сразу беременеют, но я-то об этом не знал! Два раза у нас всего было, два! Или три. Один раз я пьяный был и не знаю, чем дело кончилось, но проснулся я у них в комнате в одной кровати с Надей.

Биче-Оол замолчал, явно вспоминая, было у него с Алексеевой в тот день что-то или нет. Из раздумья его вывел Рогов:

– Она забеременела. Что дальше?

– Я стал от нее скрываться. Говорю: «Скоро сессия, ни од-

ного свободного вечера нет. Сама понимаешь, я нерусский, мне на учебу времени в три раза больше надо». Она согласилась. Я не видел ее почти месяц, соскучился и пришел в общежитие. Там меня вызвали на разговор два якута. Один из них – тоже Алексеев, какой-то ее дальний родственник. Якуты говорят: «Ребенок твой! Ты нашу девушку совратил и теперь обязан жениться на ней».

Парни дружно засмеялись:

– Какая знакомая история! Вы с Рогом договорились, что ли?

Рогов участия в общем веселье не принял. Он с сочувствием смотрел на Бича, прикидывая, как можно помочь товарищу.

– Я ответил якутам, что вначале хочу посмотреть на ребенка, убедиться, что он – тувинец.

Парни в недоумении переглянулись.

– Как ты это увидишь? – серьезно спросил Сватков.

– Блин! – в отчаянии взвыл тувинец. – Это вы, русские, все на одно лицо. Как вы друг друга различаете, я до сих пор не пойму, а мы – разные. Вы думаете, что Никита – якут, а он на якута совсем не похож. Он – бурят. Мы, тувинцы, с якутами не имеем ничего общего. Мы настолько же разные народы, как вы, русские, с китайцами. Если у якутки родится ребенок и в нем будет хоть капля тувинской крови, я сразу же это увижу.

– Если все так запутано, то зачем ты с якуткой связался? –

спросил Воронов.

– Красивая женщина, добрая, ласковая. И потом, где я в Хабаровске тувинку найду? Бурятки или якутки тут на каждом углу, а тувинок практически нет. Они все или в Новосибирске учатся, или в Красноярске.

– Ворон, ты странный парень! – заступился за Биче-Оола Вождь. – Если бы тебе хорошенькая якутка попалась, ты бы что, рожу от нее воротил?

– Оставь Ворона в покое! – перебил заступника Рогов. – Понятное дело, с хорошенькой якуткой никто бы не отказался время провести.

– Стоп! – потребовал Воронов. – С якутками разобрались. Бич, продолжай!

– Перед отпуском мы встретились. Я потрогал живот – все без обмана, беременная. Она говорит: «Что делать будем?» Я отвечаю: «Съезжу домой, переговорю с родителями, и решим, как дальше быть». В отпуске я, отец и его братья поехали на охоту в горы. Вечером сели, выпили, и я как бы шуткой говорю, что привезу из Хабаровска жену-якутку. Все смеялись, словно я пообещал на медведице жениться. Тут-то я и убедился, что мне домой ни якутку, ни ребенка не привезти. Нас в Кызыле не примут.

– А у нее, в Якутии?

– Там я буду чужак, враг всем якутам.

– Круто замешано! – удивился Рогов.

– Я решил больше не встречаться с ней, – продолжил

Бич, – забыть, но ее земляки выследили меня. Дальше вы все знаете.

– Тебя отчислят, – уверенно заявил Вождь.

– Не могу я из Хабаровска уехать! – всхлипнул Бич. – Хочу на ребенка посмотреть. Вы представляете, что значит стать отцом, взять на руки свою кровиночку? Если ребенок мой...

Биче-Оол замолчал. По его широкому смуглому лицу потекли слезы. Парни смутились. Наступило неловкое молчание.

– Ты с Кужугетом не хочешь поговорить? – спросил Рогов. – Может, он что подскажет?

– Он не будет со мной разговаривать, – прошептал Бич.

Сорокапятилетний майор милиции Иван Андреевич Кужугет был преподавателем кафедры административного права. Интеллигентнейший человек, аккуратист, прирожденный педагог. На семинарских занятиях он ни разу не повысил голос, не сделал необоснованного замечания. Как-то Воронов первый в группе догадался о принципиальной разнице между словами «и»/«или» в диспозиции одной из статей Кодекса об административных правонарушениях. Кужугет похвалил его, и Воронов весь день ходил довольный, словно преподаватель вручил ему почетную грамоту от министра внутренних дел. На семинарских занятиях Кужугет демонстративно не замечал Биче-Оола. Тот, в свою очередь, при Кужугете превращался в статую Будды – замирал за партой и

не шевелился до конца урока. Даже на перемену не выходил.

– Гусь свинье не товарищ! – оценил отношения преподаватели и слушателя Сват.

Бич не стал возражать. Он был на все согласен, на любые оскорбления и унижения, лишь бы остаться в школе.

– Что наши якуты говорят? – спросил Воронов.

– В совхозе, на поле, меня отозвал Иван Никифоров и говорит: «Мы в это дело ввязываться не станем. Если при нас на тебя нападут – заступимся, но ты не рассчитывай, что мы из-за тебя со всей диаспорой на ножи встанем».

Никифоров был однокурсником Воронова. Отец его был русским, мать – якуткой. От русского отца сыну передался высокий рост, крепкое телосложение и отменное чувство юмора. Среди якутов Иван пользовался непререкаемым авторитетом, так как был наполовину русским, умным, начитанным и, что немаловажно, происходил из влиятельного рода. Русские уважали Никифорова, так как он был свойский парень, по воспитанию и менталитету не отличающийся от любого сибиряка или хабаровчанина.

– Вы мне поможете? – с надеждой спросил Бич.

– Подумаем, – за всех ответил Рогов.

Парни разошлись, в комнате остались только Воронов и Рогов.

– Что-то он темнит! – задумчиво сказал Воронов. – То он убегает от якутки, то ребеночка на руках подержать хочет.

– Завтра я предложу Трушину взять Бича на поруки, –

принял решение Рогов.

– Если они уже приняли решение о его отчислении, то никакие просьбы не подействуют.

– Попытка – не пытка.

– Предположим, что Трушин согласится. В декабре якутка родит, Бич на радостях напьется, а напьется он – сто процентов, что ты тогда делать будешь? Лбом о стену биться, каяться, что зря впрягся за этого алкаша?

В комнату без стука вошел Биче-Оол, протянул фотографию симпатичной девушки с узким разрезом глаз. Воронов с первого взгляда узнал ее – именно эту девушку он видел в общежитии института культуры.

– Вот она – якутка. Красивая, правда? Видели бы вы ее фигуру! Бедра широкие, грудь как бампер торчит. Была бы она тувинка, я бы женился на ней, не задумываясь, но она...

Воронов вспомнил, какое грустное лицо было у девушки в общежитии, и помрачнел.

«Бич, без сомнения, свинья и скотина, – подумал Виктор. – Я никаким боком не причастен к этой истории, а чувствую себя виноватым. Девчонка доверилась ему, не подумала о последствиях и осталась одна. Ее даже дома никто не ждет, иначе она бы уже давно уехала рожать в Якутию».

– Завтра я поговорю с Трушиным, – неожиданно для себя сказал Воронов. – Ничего обещать не могу, но поговорить – поговорю.

За десять минут до утреннего построения Воронов вошел в канцелярию. Начальник курса Трушин сидел за столом, неспешно докуривал очередную сигарету. Замполит стоял у окна, рассматривая начинающие гнуться под снегом деревья.

– Геннадий Федорович, я хочу поговорить о Биче-Ооле, – сказал Воронов.

У Трушина мгновенно опустились матовые «шторы» на глаза, взгляд его стал пустым, ничего не выражающим. Умение в нужный момент уходить в себя Трушин выработал во время работы в женской колонии. К нему, заместителю начальника колонии по воспитательной работе, чуть ли не каждый день приходили на личный прием молодые хорошенькие зэчки. Девушки откровенно старались соблазнить Трушина, через интим добиться послабления режима, но как бы они ни демонстрировали ровненькие ножки и туго обтянутые ягодицы, ничего не получалось. Ни одной из просительниц не удалось рассмотреть, что скрывается за фильтром безразличия, что на самом деле думает о ней немногословный капитан внутренней службы.

Разговаривать с Трушиным, когда он опускал фильтр на глаза, было так же неприятно и бессмысленно, как объяснять геометрию кукле со стеклянными глазками. Один только раз у Трушина дрогнуло сердце – просительница до боли напо-

нила ему первую любовь, студентку мединститута по имени Нина. Трушин мог бы пойти ей навстречу и перевести девушку с производства на кухню, но не стал этого делать. Он с первых дней в колонии усвоил простой закон: уступишь одной зэчке – остальные тут же навалятся на тебя, как мартышки на медведя Балу, и не слезут, пока не добьются своего.

Одарив Воронова ничего не значащим взглядом, Трушин раскрыл ежедневник, сделал вид, что ищет в нем какие-то записи. Воронов продолжил:

– Мы хотим взять Биче-Оола на поруки.

– Кто это «мы»? – не поворачиваясь, спросил замполит. – Кто подпишется под поручительством? Кто возьмет на себя ответственность за человека, который в любой момент может сорваться и напиться как свинья?

– Я подпишусь.

– Ха! – усмехнулся замполит.

Он по достоинству оценил красоту замысла. Ни для кого не было секретом, что за Вороновым стоит его покровитель – начальник кафедры марксистско-ленинской философии Архирейский, по негласной иерархии третий человек в школе. Архирейский ни за что бы не позволил наказать любимого ученика и соавтора. Воронов безбоязненно мог поручиться за любого пьяницу и разгильдяя. Случись серьезное разбирательство, Толмачев с подачи Архирейского вычеркнул бы Воронова из приказа о наказании и вписал бы на его место руководство курса.

Трушин не стал дослушивать Виктора.

– Иди на построение, – велел он.

После ухода слушателя замполит занял место за приставным столом. Трушин закурил новую сигарету.

– Если бы у нас на курсе было два тувинца, я бы вышиб Биче-Оола к чертовой матери и никогда бы об этом не пожалел, но, к моему величайшему сожалению, он – один!

– Номер с личным поручительством не пройдет?

– Нет, конечно! Какое к черту личное поручительство! У нас не производство, а учебное заведение. У нас нет трудового коллектива, который может взять нерадивого работника на поруки.

Трушин посмотрел на часы.

– Пора! Курс уже должен построиться.

– Что с Биче-Оолом?

– Толмачев вызвал меня на одиннадцать часов. К обеду скажу его решение.

Полковник Толмачев был реформатором, сторонником нестандартных решений и смелых экспериментов. Его предшественник Текутьев, напротив, был традиционалистом, тяготеющим к парадно-показной стороне дела. Полковнику Текутьеву, неплохому строевику, нравилось самому возглавлять роту офицеров на общешкольном разводе. Чеканя шаг под бой большого барабана, он чувствовал себя в своей стихии, гораздо увереннее, чем на скучных научных конференциях.

Толмачева показная сторона дела не интересовала, он отдал ее на откуп политотделу и своему заместителю по строю. Толмачев вообще старался избегать формализма и плановых показателей, в какой бы форме их ни навязывали. Но был один вопрос, в котором он был вынужден ориентироваться на Москву, – это была подготовка национальных кадров.

В назначенное время Трушин вошел в просторный кабинет начальника школы. Толмачев относился к Трушину с прохладцей. Ему не раз «сигнализировали», что Трушин выпивает на рабочем месте, общественно-политической работой не занимается, всю хозяйственную деятельность переложил на старшину курса и его помощников. Но Трушин пользовался авторитетом у слушателей и был способен мобилизовать их на выполнение поставленных задач. Менять его на нового начальника курса было пока преждевременно.

– Я вызвал вас по поводу слушателя Биче-Оола, – начал разговор Толмачев. – Вы, как я понимаю, не в состоянии его контролировать?

– Виноват! – коротко и емко ответил Трушин.

– Это не оправдание! Легче всего на свете сказать «Виноват!» и уйти от принятия решения. Мы с вами в одной лодке и должны действовать единой командой, а не перекладывать ответственность за нерадивого слушателя друг на друга. Буду с вами откровенен: если бы не разнарядка Главного управления кадров и учебных заведений, я бы вычистил школу сверху донизу, избавился бы от всех сомнительных

личностей. Проблемы с национальными кадрами не только у вас на курсе. Семенов, практически выпускник, четверокурсник, на прошлой неделе выпил рюмку водки, раздобыл где-то жезл регулировщика и вышел на проспект Карла Маркса регулировать уличное движение. Два часа он стоял на главном перекрестке города, и никому на ум не пришло, что он – самозванец, а не сотрудник ГАИ. Семенов должен был поехать по распределению в Якутск. Теперь никуда не поедет. С Семеновым у меня был резерв национальных кадров. С Биче-Оолом такого резерва нет. Какие у вас будут предложения о его наказании?

– В дисциплинарном порядке нам осталось только объявить ему о неполном служебном соответствии, хотя я не представляю, как такое наказание будет вынесено применительно к слушателю. Как сотрудника милиции мы можем предупредить его о неполном служебном соответствии, а как ученика...

– Не пойдет! Слушатель – это прежде всего успеваемость и только потом служебная дисциплина. Эти понятия взаимосвязаны, но у нас нет должности слушателя. Они – это переменный состав, а не штатные единицы. Давайте ограничимся строгим выговором. Кадровики подсказали, что мы можем объявить еще один выговор без снятия предыдущего. Как вы думаете, это подействует на него?

– Лично поговорю и разъясню, что больше поблажек не будет.

– Теперь еще немаловажный момент: как отнесется к этому наказанию его учебная группа? Если учебный коллектив выскажется против, то я, пожалуй, пойду на конфликт с Москвой и отчислю Биче-Оола. Мы не можем разделить слушателей на хороших и плохих, на тех, кому все дозволено, и тех, кто должен неукоснительно соблюдать правила внутреннего распорядка.

– Представители учебного коллектива готовы взять Биче-Оола на поруки. Я понимаю, что учебная группа – это не трудовой коллектив, но к мнению учащихся стоит прислушаться.

– Я рад, что вы держите руку на пульсе. Оформите решение коллектива учащихся на комсомольском собрании, выберите ему наставника из числа слушателей, заслуживающих доверия. У вас есть такой слушатель на примете?

– Виктор Воронов, отличник...

– Не пойдет! – отрезал Толмачев. – Воронов перегружен научной работой. Его исследования по социологии наркомании Дальневосточного региона имеют прикладное значение не только для Дальнего Востока, но и для всей социологической науки в целом. Выберите другого кандидата в наставники. Комсомольское собрание проведите сегодня же. Как только я получу протокол собрания, тут же подпишу приказ о наказании Биче-Оола.

В наставники Биче-Оолу выбрали Рогова, собрата по несчастью.

На другой день Рогов и Воронов пригласили на разговор Никифорова.

– Объясни, что за трудности с ребенком, – попросил Воронов.

– Я не буду в это дело вмешиваться! – сразу же запротестовал Иван. – Он натворил дел, пусть сам и отвечает.

– погоди! – остановил его Рогов. – Ничего делать не надо. Ты просто растолкуй нам, разъясни на пальцах: почему Бич не сможет поехать в Якутию, а она – в Туву?

– Кровь, все дело в крови! Якуты не примут ребенка с тувинской кровью.

Рогов и Воронов переглянулись. Вместо слова «мы» Никифоров сказал «якуты», то есть противопоставил себя соплеменникам.

– Что вы глаза таращите, якуты – это якуты, а я – это я, – разъяснил Никифоров.

– Прости господи, а ты-то кто, русский, что ли? – удивился Рогов.

– Нос плюский, глаз узкий, значит, – русский, – засмеялся Никифоров. – Вы, мужики, как будто вчера родились. Угадайте, как называется бог еды и плодородия у народов Севера? Не знаете? Вертолет! В любом якутском или чукотском роду иметь русскую кровь считается почетным. Русская кровь здоровая, она как лекарство от вырождения. Я себя считаю русским, но, когда надо, я – якут. У меня в паспорте написано «якут», я свободно говорю на якутском языке, но

среди русских я ни разу не чувствовал дискомфорт. Я такой же, как вы. Я могу залпом выпить стакан водки и не уйти в аут, а ни один якут не сможет.

– Кто твой отец? – спросил Воронов.

– Студент какой-то. С матерью на одном курсе в институте учился. Она показывала его фотку, но я не уверен, что это мой папа. Маманя могла подсунуть родственникам фотографию любого симпатичного парня и заявить, что забеременела от него. Проверить-то никто не сможет.

– Женитьба, алименты?

– Родители моего папы не захотели иметь узкоглазого внука, да и сам он, судя по всему, с якуткой жить не планировал. Мать не настаивала. Бросила учебу и уехала домой. Родня приняла ее с восторгом. Еще бы! У нас с прошлого века русской крови в роду не было, самая пора освежиться. Родился я, все рады и довольны, никакие алименты не нужны. У меня дядя в оленеводческом совхозе работает. Если надо, он без вопросов денег подкинет, хоть на джинсы, хоть на японский магнитофон.

– Если бы твоя мама приехала беременной от тувинца, что бы тогда было?

– Ее бы назад отправили. Сказали бы: с кем нагуляла, тот пускай и воспитывает. Вы, мужики, не пытайтесь понять менталитет и обычаи народов Севера. У вас, русских, никогда не было проблем с вырождаемостью, а на Севере они есть. Никто из вас свою жену гостю не предложит, а у нас,

в отдаленных поселках, это обычное дело. С соседом женой не поделаться, а вот с заезжим геологом – запросто. Бичу передайте, что якуты с ним разговор не закончили. Пускай в городе осторожнее будет. Я бы ему посоветовал одному за ворота не выходить.

– Если он женится на якутке, вопрос будет снят?

– Вряд ли. Там не в женитьбе дело, а в том, где им дальше жить. Женитьба – это бзик ее двоюродного брата, его идея фикс. Зачем она нужна, я не знаю. На этом – все! Мы обещали сохранять нейтралитет – мы его придерживаемся. А Бич как хочет, так пусть и выкручивается.

Воронов попробовал через Сопунова выйти на Кужугета, но получил отказ.

– Я с ним о национальном вопросе и крови говорить не буду и тебе не советую. Есть люди, для которых национальный вопрос – это болезненная тема. Я ни разу не слышал, чтобы Кужугет обсуждал обычаи и нравы тувинцев. Себя он ведет как русский, зачем я ему о далекой родине напоминать буду? Может, он решил с Тувой отношения разорвать и больше никогда не вспоминать о соплеменниках? Жена у него, кстати, русская, дети на тувинцев совсем не похожи.

Выйдя от Сопунова, Воронов подумал:

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! На словах у нас братство народов СССР, интернационализм, перешедший в новую историческую общность – советский народ. А на деле как копнешь, так черт ногу сломит! Но в вопросе с Бичом

надо все выяснить до конца. Одного группник все-таки!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.